

По версии «Таймс», роман «Мгла» входит в сотню лучших детективов и триллеров, написанных с 1945 года.

РАГНАР ЙОНАССОН

МГЛА

Романы **Рэгнара Йонассона** были переведены на **36 языков**
и проданы тиражом более **3 миллионов экземпляров!**

Рагнар Йонассон

Мгла

Серия «Звезды мирового детектива»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67786701

Мгла:

ISBN 978-5-389-21539-9

Аннотация

В отдаленной бухте среди скал обнаружено тело молодой русской женщины. Приехав в Исландию в поисках лучшей доли, она нашла смерть в ледяной воде северного моря. Обстоятельства этой трагедии выяснить не удалось, и дело было закрыто. Прошел год, прежде чем Хюльда Херманнсдоуттир, инспектор полиции Рейкьявика, извлекла его из архива. Для Хюльды это было последнее расследование, и у нее оставалось лишь несколько дней до окончания ее службы в полиции...

Действие романа разворачивается на фоне завораживающих пейзажей пустынного исландского нагорья и величественных фьордов, затерянных среди скал. «Мгла», первый роман в трилогии, мгновенно стал мировым бестселлером и занял верхние строчки престижных литературных рейтингов, а Рагнар Йонассон закрепил за собой титул «короля скандинавского нуара».

Впервые на русском языке!

Содержание

День первый	7
I	7
II	14
III	17
IV	21
V	27
VI	31
VII	41
VIII	46
IX	53
X	68
XI	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Рагнар Йонассон

Мгла

Маме

ИСЛАНДИЯ

Северный полярный круг

Это произведение является художественным вымыслом,

и ни одно действующее лицо не имеет реального прототипа.

Особая благодарность Хойкюру Эггертссону за советы относительно походов в горы и прокурору Хюльде-Марии Стефаунсдоуттир за разъяснения насчет полицейского делопроизводства.

*Ненависть – это удар адской молнии.
Она обезобразивает все органы и сочленения
человеческого тела, разжигая костер в глазах...*
Епископ Йоун Видалин

День первый

I

– Как вы меня нашли? – спросила женщина, сидевшая напротив инспектора полиции Хюльды Херманнсдоуттир; ее голос дрожал, а на лице читался испуг.

Хюльда привыкла к такой реакции и не удивлялась тому, что ее собеседники нередко начинали нервничать – даже те из них, которым и скрывать-то было нечего. Отвечать на вопросы полиции – удовольствие сомнительное, независимо от того, идет ли речь о формальном допросе в полицейском участке или о частной беседе, как сейчас. Они сидели в маленьком буфете рядом с кухней для персонала центра сестринского ухода в Рейкьявике – женщина работала там санитаркой. Выглядела она лет на сорок, волосы коротко пострижены, а за печатью усталости на лице – плохо скрываемое волнение, вызванное неожиданным визитом Хюльды. Хотя подобная реакция и могла иметь вполне обычное объяснение, Хюльде все-таки казалось, что совесть ее собеседницы не совсем чиста. За время службы в полиции Хюльда успела пообщаться с таким количеством людей, что с легкостью замечала, когда ей морочили голову. Вероятно, дело было в ее интуиции, но сама Хюльда слова «интуиция» терпеть не

могла.

– Как я вас нашла?... – отозвалась она тихо. – А вы хотели бы, чтоб вас не нашли? – Хюльда, конечно, искадила слова женщины, но иначе разговор не перешел бы в нужное ей русло.

– А? Да нет, что вы...

В воздухе витал легкий запах кофе – не аромат – это было бы громко сказано, скучная обстановка в буфете выглядела обшарпанной и унылой.

Когда женщина убрала со стола руку и снова оперлась на нее щекой, на столешнице остались следы ее вспотевших пальцев. В обычных обстоятельствах Хюльда была бы довольна – это могло быть явным признаком того, что она нашла преступника, – но на этот раз ничего подобного она не испытывала.

– Мне необходимо поговорить с вами о происшествии, случившемся на прошлой неделе, – сказала Хюльда после недолгого молчания.

Она произнесла эти слова несколько торопливо, но мягко. В работе Хюльда старалась сохранять позитивный настрой, даже когда стоявшая перед ней задача была не из простых, как, например, сейчас. По вечерам, оказавшись дома наедине с собой, она порой становилась совершенно другим человеком – энергия иссякала, и на нее наваливалась усталость, она чувствовала себя подавленной и удрученной.

Женщина кивнула, и было ясно как божий день, что она

понимает, каким будет следующий вопрос.

– Где вы были в пятницу утром?

Ответ не заставил себя ждать:

– На работе, насколько я помню.

В определенном смысле Хюльда испытывала облегчение, когда замечала, что ее визави прикладывает все усилия, чтобы не сдаться без боя.

– Вы в этом уверены? – уточнила она, наблюдая за реакцией женщины.

Скрестив руки, Хюльда откинулась на спинку стула, как и всегда, когда проводила допрос. Она знала, что в этой позе можно усмотреть недостаток сочувствия или признак того, что она пытается обезопасить себя. Какое там! В подобных обстоятельствах она просто не знала, чем занять руки, чтобы они не мешали ей сосредоточиться. Ну а что до сочувствия, то нужды проявлять ее сверх меры Хюльда не испытывала – ее работа и без того требовала немалых жертв. А работу свою она выполняла честно и основательно, порой даже одержимо – старалась не ударить в грязь лицом.

– Вы уверены? – повторила она. – Это легко проверить. Будет досадно, если я уличу вас во лжи.

Женщина молчала, но ей было явно не по себе.

– Был совершен наезд на мужчину, – произнесла Хюльда ровным тоном.

– Наезд?

– Да, и вы наверняка читали об этом в газетах или видели

В НОВОСТЯХ.

– Ну да, возможно.

После небольшой паузы женщина добавила:

– Как он?

– Он выкарабкается, если вас это интересует.

– Нет, ну что вы... Я...

– Но он никогда не восстановится полностью... Он еще без сознания. Так вы в курсе дела?

– Я... вроде бы читала об этом... – ответила женщина.

– В газетах этого не писали, но он отсидевший срок педофил.

Женщина никак не отреагировала, поэтому Хюльда продолжила:

– Вы же наверняка знали об этом, когда сбили его.

Реакции вновь не последовало.

– Его приговорили много лет назад, и он отбыл весь срок...

Женщина перебила Хюльду:

– Почему вы считаете, что я к этому причастна?

– Я как раз говорила вам, что он отбыл наказание. Но, как выяснило следствие, своих пороков не изжил. Многое указывало на то, что наезд был совершен намеренно, поэтому мы сходили домой к потерпевшему, чтобы разобраться в причинах случившегося. И обнаружили там все эти фотографии...

– Фотографии? – Теперь женщина сильно изменилась в лице. – Чьи фотографии? – спросила она с дрожью в голосе.

– Детей, – сказала Хюльда.

Было очевидно, что женщине хочется спросить что-то еще, но она сдержалась.

– В частности, вашего сына, – добавила Хюльда в ответ на немой вопрос.

Тут глаза ее собеседницы наполнились слезами.

– Фотографии... моего сына... – Ее голос прерывался от всхлипываний.

– Почему вы не сообщили в полицию? – спросила Хюльда решительно, но стараясь, чтобы ее голос не звучал чересчур резко.

– Ну... Я не знаю. Я, конечно, должна была это сделать, вы же понимаете... Но я думала только о нем – о моем мальчике, я не хотела, чтобы он через это проходил. Ему пришлось бы... рассказать обо всем... давать показания. Может, это было ошибкой...

– Сбить того человека – да.

Немного поколебавшись, женщина продолжила:

– Да... но ведь...

Хюльда ждала. Она хотела дать своей собеседнице время собраться с духом и признаться. Впрочем, никакого удовлетворения оттого, что дело раскрыто, Хюльда не испытывала: язык не поворачивался назвать сидящую напротив нее женщину преступницей. Хотя и отрицать ее вины тоже нельзя. Если уж на то пошло, она скорее жертва.

Женщина дала волю слезам.

– Я... я следила... – Казалось, она не в состоянии продолжать.

– Вы следили за ним? Вы живете в одном районе, верно?

– Да... – прошептала она сквозь рыдания. – Я не спускала глаз с этого мерзавца. Я не хотела, чтобы он принялся за старое. – Казалось, гнев придал ей сил. – Я просыпалась по ночам от кошмаров: мне снилось, что он выбрал себе новую жертву. И... и... что это моя вина, потому что я не заявила на него. Понимаете? – Она продолжала всхлипывать.

Хюльда сочувственно кивала – ей искренне было жаль эту женщину.

– И вот я увидела его прямо возле школы – я как раз отвезла туда сына. Я припарковала машину и стала наблюдать, как он разговаривает с какими-то мальчишками. Меня просто затрясло от этой его отвратительной ухмылки... Уходить со школьного двора он не спешил – явно опять вышел на охоту. Верно говорят, что горбатого могила исправит. – Она вытирала слезы со щек, но они продолжали литься ручьем.

– Это так.

– И тут представился случай – совершенно неожиданно. Я поехала за ним от школы. Когда этот подонок стал переходить дорогу, у меня будто помутился рассудок, и я нажала на газ. Других людей там не было, так что меня никто не видел. Не знаю, что на меня в тот момент нашло. – Женщина снова расплакалась и закрыла лицо руками. Затем она продолжила, голос у нее дрожал: – Я не хотела убивать его.

Все произошло само собой. Я просто обезумела от страха и ненависти. Что же теперь будет? Я не могу... Я не могу сесть в тюрьму. Мы живем вдвоем с сыном. Его отец – никчемный тип. Он точно не захочет забрать сына к себе.

Хюльда поднялась и осторожно положила руку на плечо женщины, не произнося ни слова.

II

Молодая мать стояла у стеклянной перегородки и ждала. Как обычно перед посещением дочери, она принарядилась. Ее выходное пальто знавало лучшие времена, но приходилось довольствоваться им, поскольку с деньгами у нее было неважно. Ее всегда просили подождать, словно в наказание за совершенную ею ошибку и чтобы лишний раз напомнить о ее проступке. К довершению всех неприятностей на улице шел дождь, и ее пальто насквозь промокло.

Минуты тянулись в тишине, словно вечность, пока наконец не появилась нянечка с ребенком на руках. Сердце матери было готово выпрыгнуть из груди, как и всегда, когда она видела свою дочь за стеклом. Апатия и безнадежность навалились на нее, но она изо всех сил старалась не подавать виду, хотя это и было нелегко. Конечно, малышке было всего лишь шесть месяцев – как раз сегодня исполнилось – и она вряд ли о чем-либо помнила. Но на уровне подсознания мать понимала, что если у ребенка оставались какие-то воспоминания, важно, чтобы они были положительными и радостными.

Девочка, однако, совсем не выглядела обрадованной. Хуже того, она никак не отреагировала на женщину за стеклом. Скорее, казалось, что она смотрит на какую-то странную незнакомку в промокнушем пальто, которую видит впер-

вые в жизни. А ведь еще так недавно мать держала ее на руках в родильном отделении.

Женщине разрешили два посещения в неделю, но этого было недостаточно. Каждый раз она чувствовала, что они постепенно отдаляются друг от друга, и девочка теряет с ней связь – всего две встречи в неделю, да и те через стеклянную перегородку.

Мать собралась было что-нибудь сказать дочери – она знала, что та услышит ее через стекло, – но что толку от слов? Ведь их смысла малышка не поймет. Все, что ей нужно, – это теплые мамины объятия.

Изо всех сил сдерживая слезы, женщина улыбнулась и, обращаясь к дочери, вполголоса сказала, как любит ее.

– Кушай хорошо, – говорила она, – и слушайся нянечек.

Но больше всего ей хотелось разбить стекло, выхватить свою малышку из няниных рук, прижать к своей груди и больше никогда не отпускать.

Незаметно для себя она почти вплотную приблизилась к стеклу и слегка постучала по нему. Девочка оживилась и даже едва заметно улыбнулась. На сердце у матери потеплело, а по щеке скатилась первая слеза. Тогда она постучала по стеклу погромче, но ребенок вздрогнул и тоже заплакал.

Инстинктивно женщина принялась колотить все сильнее и сильнее.

– Дайте ее мне! Отдайте мне мою дочь! – закричала она.

Нянечка за перегородкой поспешно поднялась и удали-

лась с ребенком на руках. А мать все продолжала бить по стеклу и кричать.

Вдруг она почувствовала чью-то руку на своем плече. Прекратив стук, она обернулась и увидела позади себя женщину постарше, с которой она уже встречалась.

– Вы же понимаете, что так дело не пойдет, – мягко говорила та. – Мы не сможем позволять вам сюда приходить, если вы будете так шуметь. Вы ведь напугаете ребенка, – добавила она.

Эти слова отозвались эхом в мозгу женщины – она слышала их не впервые: мол, слишком тесная привязанность к матери не в интересах ребенка – она лишь приведет к тому, что дожидаться каждого следующего посещения станет труднее; ей следует помнить, что такой порядок установлен исключительно для блага ее дочери.

Эти увещевания были выше ее понимания, но она тщательно это скрывала – сама мысль о том, что ей могут запретить навещать дочь, была невыносима.

Когда женщина снова оказалась на улице под моросящим дождем, она твердо решила, что как только они с дочерью воссоединятся, она ни словом не обмолвится своей малышке об этом ужасном периоде и о стеклянной перегородке, которая их разделяла. Она так надеялась, что эти события полностью сотрутся из памяти ребенка.

III

Закончив разговор с женщиной около шести, Хюльда сразу отправилась домой. Ей было необходимо обдумать свои дальнейшие действия.

Наступало лето, и дни становились длиннее, но солнце не показывалось. Шли бесконечные дожди.

Она еще помнила те времена, когда лето было теплее и солнечнее. И вообще, воспоминаний у нее накопилось много – даже слишком много. Хюльде скоро исполнялось шестьдесят пять. Это казалось невероятным. Неужели ей и правда уже к семидесяти? Хюльда совсем не ощущала себя на эти годы.

Но смириться с возрастом – это одно, а вот смириться с выходом на пенсию – другое. Это гораздо тяжелее. Пенсия все ближе, и ничего с этим не поделаешь. Вообще-то, Хюльда даже представления не имела о том, что за жизнь у пенсионеров. Она, конечно, помнила свою мать, которая превратилась в старушку уже в шестьдесят лет, и даже раньше. Но теперь, когда очередь дошла и до нее самой, особой разницы между сорока четырьмя и шестюдесятью четырьмя она не чувствовала. Силы, может, уже и не те, но их вполне достаточно. Зрение пока в норме, а вот слух, правда, стал слегка подводить.

Хюльда была в неплохой физической форме – результат

ее приверженности активному отдыху. Ей и справку выдали, что она не старушка.

«Вы в прекрасной форме», – сказал ей молодой врач, даже чересчур молодой – чтобы быть врачом, разумеется. Вообще-то, буквально он сказал так: «Вы в прекрасной форме для вашего возраста».

И все же, когда Хюльда видела свое отражение в зеркале, определенные изменения во внешности она замечала. Иногда она не верила своим глазам – ей казалось, что она глядит на какую-то незнакомку, которую ей и признавать не хочется, несмотря на привычные черты. Кое-где проступившие морщинки, мешки под глазами, седеющие волосы. Да и кожа обвисает. Кто она – эта женщина? И что она делает в ее зеркале?

Хюльда сидела в своем любимом кресле, которое когда-то принадлежало ее матери, и смотрела в окно гостиной на стену дома напротив. Вид был ничем не примечательный, вполне обычный для пятого этажа многоквартирного дома.

То ли дело раньше. Иногда она позволяла себе предаваться ностальгии о прошлом и вспоминать о том, как они жили в своем семейном доме на Аульфтанесе¹. Стоило выйти в сад, как ты оказывался на лоне природы, где громко и неутомимо щебетали птицы.

Как быстро пролетели годы. Хюльде казалось, что не так

¹ *Аульфтанес* – группа небольших полуостровов поблизости от Рейкьявика. – Здесь и далее примеч. переводчика.

уж много времени прошло с тех пор, как она вышла замуж и стала матерью. Но когда она принималась подсчитывать, оказывалось, что это было много-много лет назад. Казалось, время было сродни гармонике, меха которой могли бесконечно разжиматься, а потом в одно мгновение сжимались.

Хюльда сознавала, что будет скучать по работе, несмотря на то что ее заслуги зачастую недооценивали и в плане карьеры она топталась на месте.

В глубине души она боялась одиночества. А может, оно ей и не грозит. Кто знает, к чему приведет ее дружба с тем человеком из клуба любителей активного отдыха. Однако возможности, которые эта дружба открывала, и приятно будоражили, и выбивали из колеи одновременно. У Хюльды не было каких-то серьезных отношений с тех пор, как она овдовела, и поначалу она никак не поощряла ухаживаний этого человека. Она опасалась, что ничего хорошего из этого не выйдет, и комплексовала по поводу своего возраста – что было на нее совсем не похоже. Обычно она старалась не вспоминать, что ей уже за шестьдесят, и поддерживать в себе молодость духа. Но на этот раз цифра 64 все-таки заставила ее сомневаться. Разумно ли начинать новые отношения в такие годы? Хюльда не однажды задавалась этим вопросом, но каждый раз понимала, что просто подыскивает предлог, чтобы не рисковать. Ее пугали перемены.

Как бы то ни было, Хюльда не спешила. Этот человек ей нравился, и она вполне могла себе представить, что встретит

с ним закат своих лет. Она не была влюблена – честно говоря, она уже и не помнила, что это за чувство, – но любовь и не была для нее чем-то обязательным. Они разделяли увлечение походами, а это уже немало. Ей было с ним хорошо. Однако она отдавала себе отчет, что была и другая причина, по которой она уже не раз и не два принимала его приглашения на свидание. Откровенно говоря, решающим фактором была ее грядущая пенсия – ей не хотелось стареть в одиночестве.

IV

Что-то в этом электронном сообщении насторожило Хюльду, хотя его содержание и было предельно ясным. В то утро ей надлежало явиться в кабинет начальника, чтобы обсудить дела. Сообщение было отправлено поздно вечером накануне, что само по себе было не совсем обычно – в кои-то веки руководитель полиции захотел начать день с обсуждения дел именно с ней. Хюльда не раз видела, как он проводит утренние планерки, но ее на них никогда не вызывали. Планерки, скорее, походили на дружеские посиделки, а не на рабочие собрания, а она в ближний круг уж точно не входила. По сию пору она не могла избавиться от ощущения, что полностью ей не доверяют ни те, кто выше рангом, ни подчиненные. Конечно, учитывая многолетний опыт Хюльды на ответственном посту, руководство не могло совсем игнорировать ее, когда речь заходила о повышении, но в конце концов к ней пришло понимание, что своего потолка она уже достигла. Ее более молодые коллеги-мужчины занимали вакансии, на которые претендовала и она, и Хюльда постепенно свыклась с таким положением вещей и оставила попытки получить более высокую должность, сосредоточившись на том, чтобы на совесть выполнять свои обязанности инспектора полиции.

Поэтому, проходя по коридору к кабинету Магнуса,

Хюльда испытывала некоторое смятение.

Она постучала в дверь, и Магнус тут же пригласил ее войти. Он был, как обычно, приветлив, но Хюльде его приветливость показалась напускной.

– Присаживайтесь, Хюльда, – предложил он. В его голосе она уловила нотку снисходительности, возможно даже нарочитой.

– У меня много дел, – сказала она, – что-то срочное?

– Садитесь, – повторил Магнус. – Нам нужно обсудить ситуацию.

Магнусу было чуть за сорок, но он успел сделать головокружительную карьеру в полиции. Хорошо сложенный и высокий, пышной шевелюрой он похвастаться не мог, несмотря на довольно молодой возраст.

Хюльда опустилась на стул, ощутив неприятный холодок в груди. Какую ситуацию?

– Вы скоро выходите на пенсию, – начал Магнус с улыбкой.

Хюльда молчала.

Он прочистил горло и в смущении заговорил вновь:

– Я имею в виду, вы ведь с нами работаете последний год, верно?

– Да, верно, – сказала она нерешительно. – Я ухожу в конце года.

– Именно. Дело в том, что... – продолжил было он, но потом опять осекся, будто хотел тщательнее подобрать сло-

ва, – к нам на работу в следующем месяце придет молодой сотрудник. Очень перспективный парень.

Хюльда силилась понять, к чему он клонит.

Магнус продолжал:

– Он займет вашу должность. Нам с ним очень повезло.

Ее будто ударили в солнечное сплетение.

– Как? Он займет мою должность? Что... что вы хотите сказать?

– Да. Вашу должность и ваш кабинет.

Хюльда онемела. Мысли понеслись в ее голове с бешеной скоростью.

– Когда?

– Недели через две.

– А со мной что будет? – Этот разговор окончательно вывел ее из равновесия.

– Ну а вы можете уйти хоть сейчас. Вы же и так собирались уходить в конце года. Несколько месяцев ничего бы не изменили.

– Уйти? Вот так сразу?

– Разумеется, с сохранением зарплаты. Мы вас не увольняем, Хюльда, а просто отправляем в долгосрочный отпуск, по окончании которого вы сразу выйдете на пенсию. Вам заплатят в полном объеме. Ну что вы так удивляетесь? Вам же выгоднее. Я не хочу вас ни в чем ущемлять.

– Выгоднее?

– Ну конечно. У вас будет больше свободного времени для

ваших увлечений, понимаете? Вы сможете чаще... – Судя по выражению лица Магнуса, он и понятия не имел, чем Хюльда занимается в часы досуга. – Вы сможете проводить больше времени с... – Он опять не закончил предложение – то, что Хюльда живет одна, ему было наверняка известно.

– Я вовсе не собиралась уходить раньше времени, – сказала Хюльда, стараясь сохранять невозмутимость. – Но благодарю за предложение.

– Это не предложение, а мое решение. – Голос Магнуса зазвучал тверже.

– Ваше решение? А мое слово ничего не значит?

– Простите, Хюльда. Мы не можем позволить себе раздувать штат.

«Да и команда вам нужна помоложе», – подумала она.

– Вот, значит, какой благодарности я заслуживаю? – Хюльда сознавала, что ее голос дрожит.

– Не принимайте это так близко к сердцу. Речь не идет о принижении ваших заслуг. Более того, вы один из лучших наших сотрудников – это всем известно.

– А что будет с делами, которые я веду?

– Я уже передал их другим коллегам. Перед тем как вы уйдете, вам, конечно, нужно будет объяснить новичку его обязанности. Самое важное дело, которое вы сейчас расследуете, это наезд на педофила. Как оно продвигается?

На несколько секунд Хюльда задумалась. Было бы приятно потешить свое самолюбие и закончить карьеру маленькой

победой – дело раскрыто, признание получено. Мать, у которой случилось минутное помрачение рассудка, взяла на себя роль вершителя закона, чтобы уберечь других детей от лап извращенца. Возможно, это было справедливое возмездие...

Наконец Хюльда ответила:

– К сожалению, до раскрытия пока далеко. Вероятно, это просто несчастный случай. Думаю, пока лучше отложить это дело и надеяться, что водитель явится с повинной.

– Вот как? Ну хорошо. Ближе к концу года мы устроим небольшой фуршет по случаю вашего выхода на пенсию. Однако вы можете быть свободны уже с сегодняшнего дня, если хотите.

– Мне уходить... сегодня?

– Ну, если у вас есть такое желание. А можете остаться еще на две недели, если хотите.

– Спасибо, – ответила Хюльда и тут же пожалела о том, что благодарит Магнуса. – Когда придет новый сотрудник, я передам ему дела, а пока продолжу заниматься ими.

– Как я говорил, они уже в ведении других коллег. Но вы... ну, вы могли бы поднять какое-нибудь старое нераскрытое дело. На ваше усмотрение.

На короткое мгновение ей захотелось встать и выйти, хлопнув дверью, чтоб никогда больше сюда не возвращаться. Но доставить подобное удовольствие Магнусу в ее планы не входило.

– Да, так я и поступлю. Значит, любой всяк?

– Ну конечно, любой. Чтоб не сидеть сложа руки.

Хюльда чувствовала, что Магнус ждет не дождется, когда она наконец покинет его кабинет, – его ждали более важные дела.

– Прекрасно. Постараюсь чем-нибудь себя занять, – холодно произнесла Хюльда, поднялась и вышла из кабинета, не сказав ни слова благодарности и не прощаясь.

V

Тяжелым шагом Хюльда направилась в свой кабинет. Она пережила настоящий шок – у нее было такое чувство, будто ее с позором уволили. Ничего подобного раньше она не испытывала. Словно все ее заслуги за годы службы не имели никакой ценности. Конечно, Хюльда понимала, что она отреагировала на ситуацию чересчур эмоционально, но избавиться от неприятных ощущений не могла.

Она села за стол и уставилась в экран компьютера – включить его сил у нее не было. Кабинет, который она до сего дня считала своим вторым домом, вдруг стал чужим, и мысль о том, чтобы провести в нем еще какое-то время, стала ей невыносима.

Чем бы ей заняться, чтобы отвлечься от грустных мыслей? Придется ловить Магнуса на слове и рыться в нераскрытых делах. Вообще-то, выбор был невелик – существовал лишь один висяк, который тут же пришел на ум Хюльде. Непосредственного отношения к расследованию того дела она не имела – была лишь сторонним наблюдателем. Но, может, оно и к лучшему – теперь ей представилась возможность взглянуть на это свежим взглядом.

Речь шла о смерти женщины при невыясненных обстоятельствах. Перспективы раскрытия этого дела были весьма туманны. Единственная надежда – это найти новые ве-

ществленные доказательства. А вдруг это шанс для Хюльды? Вступить за погибшую было некому, и Хюльда могла бы взять на себя роль ее защитницы, пусть даже на короткое время. Ведь за две недели можно многое успеть. Надежд на то, что раскроет преступление, Хюльда не питала, но почему бы не попробовать? Она же в любом случае намерена ходить на работу каждый день, пока не прибудет этот «молодой и перспективный» и не выдворит ее из ее же кабинета. Может, ей стоит подать жалобу на этот произвол и потребовать разрешения доработать до конца года? Надо подумать. А сейчас она должна направить свою энергию в мирное русло.

В первую очередь она освежила в памяти подробности дела. Труп молодой женщины был обнаружен темным зимним утром в небольшой бухте среди скал на Ватнслейсюстрёнде². С тех пор прошел год, и о деле стали постепенно забывать. Надо признать, что и по горячим следам тот случай особого интереса СМИ не вызвал. Об обнаружении трупа, разумеется, сообщили, как это обычно и делается, но потом внимание журналистов переключилось на другие события.

Хюльде было плевать на реакцию пишущей братии, но вот избавиться от ощущения, что ее коллега по имени Александер из уголовного розыска занимался расследованием спустя рукава, она не могла. Большого доверия она к нему никогда не испытывала – он не отличался ни особым усердием, ни

² *Ватнслейсюстрёнд* – отрезок берега (15 км) на полуострове Рейкьянес примерно в 30 км от Рейкьявика.

прозорливостью. Хюльда считала, что Александер добился своего положения в отделе исключительно благодаря своему упрямству и связям. Разумеется, она заслуживала повышения гораздо больше его – ведь она была и сообразительнее, и основательнее, и опытнее. Но увы! Ее карьера зашла в тупик. Вот именно в такие минуты Хюльда испытывала горькое чувство оттого, что у нее нет полномочий отстранить от расследования человека, который явно не силен в профессиональном отношении, и взяться за дело самой.

Отсутствие должного рвения у Александера сразу же бросалось в глаза на заседаниях следственной группы – дело казалось ему малоинтересным, и он из кожи вон лез, чтобы убедить коллег, что речь идет всего лишь о несчастном случае, и ни о чем другом. Его отчет был написан чрезвычайно небрежно. В самых общих чертах там были приведены результаты вскрытия, а в конце говорилось о невозможности утверждать, что было совершено умышленное убийство, – типичная оговорка в подобных обстоятельствах. Естественным образом расследование не дало каких-либо значимых результатов, и дело было отложено в долгий ящик – ему на смену пришли новые, более «срочные» дела. Хюльду не покидала мысль, что все могло бы пойти иначе, будь погибшая исландкой. Если бы было давление со стороны общества, возможно, расследование поручили бы более опытному коллеге.

Погибшей было двадцать семь лет. Хюльда родила дочь,

когда ей самой исполнилось двадцать семь.

Всего двадцать семь. Молодая женщина в самом расцвете. А теперь ее смерть – предмет расследования, на которое никто не хочет терять времени.

Она утонула в соленой воде. Судя по повреждениям головы, можно было предположить, что в ее отношении применялось насилие, но не исключалось и то, что она просто потеряла сознание, упала в море и утонула.

К моменту смерти женщина прожила в стране четыре месяца. Звали ее Елена. Она была русской и прибыла в Исландию в надежде получить статус беженки. И вероятно, именно данное обстоятельство и не позволяло Хюльде пустить это дело на самотек. Она понимала, что все остальные уже позабыли о Елене, которая приехала в Исландию в поисках лучшей доли и закончила свою жизнь вот так – в соленой воде холодного моря. И всем было плевать. Хюльда осознавала, что если она не воспользуется этой последней возможностью и не выяснит правду, больше этого не сделает уже никто. Русскую девушку Елену, приехавшую в Исландию за счастьем, а нашедшую смерть, забудут окончательно.

VI

Хюльда ехала на юг от Рейкьявика. Именно по этой дороге она ежедневно возвращалась домой после работы, когда они с мужем жили в своем маленьком доме у моря на Аульфтанесе. Хюльда не была там уже много лет. После того как дом был продан, она решила больше не ездить туда и до сих пор своему решению не изменяла.

Аульфтанес остался позади, а ее путь лежал дальше – в Ньярдвик³. Согласно материалам дела, там находилось убежище для просителей убежища, в котором к моменту своей смерти проживала Елена.

Хюльда могла бы закончить рабочий день пораньше и поехать домой. Дождь еще не кончился, и в воздухе уже пахло весной. Как раз в мае становилось особенно заметно, как поздно теперь темнеет, что предвещало скорый приход белых ночей. Каждая клеточка в теле Хюльды наполнялась новыми силами, когда она, дыша полной грудью, любовалась полуночным солнцем в саду позади их дома на Аульфтанесе. В своей квартирке в Рейкьявике Хюльда ощущала ход времени совсем иначе – там оно пролетало гораздо быстрее, а сезоны сменяли друг друга незаметно.

Однако о том, чтобы поехать домой сейчас, и речи не шло – особенно после новостей, которыми ее утром огорошил

³ *Ньярдвик* – город на западе полуострова Рейкьянес.

Магнус. В четырех стенах размышления о надвигающейся старости стали бы совсем невыносимыми. Морально Хюльда была совершенно не готова к выходу на пенсию, ведь до сего момента даты, годы и возраст были для нее лишь отвлеченными понятиями, а теперь они обретали формы конкретных фактов.

К счастью, на дороге была разделительная полоса, и Хюльда могла не спеша ехать в крайнем правом ряду, не вызывая раздражения у самых нетерпеливых водителей. Ее машина – двухдверная чешская «школа» восьмидесятых годов выпуска – радовала глаз своим ярко-зеленым цветом. Техническое обслуживание автомобилей к талантам Хюльды не относилось, но, к счастью, у нее был хороший знакомый, который занимался ремонтом старых машин, и благодаря ему «школа» была по-прежнему на ходу.

Хюльда уже давно не ездила в южном направлении вдоль моря. Особых дел в Сюдюрнесе⁴ у нее не было, да и аэропортом в Кеблавике⁵ она нечасто пользовалась. Не то чтобы ей не нравилось летать за границу – как раз наоборот, но зарплаты инспектора полиции на такую роскошь не хватало. Большая часть ее заработков уходила на ежедневные расходы. Раньше все было проще. У мужа Хюльды был свой бизнес, который он вел с большим размахом. Каково же бы-

⁴ Сюдюрнес – регион, занимающий большую часть полуострова Рейкьянес.

⁵ Кеблавик – город на полуострове Рейкьянес примерно в 30 км от Рейкьявика. В Кеблавике находится международный аэропорт.

ло ее удивление, когда после скоропостижной кончины мужа выяснилось, что их материальное положение далеко не идеальное. Оказалось, что финансовые обязательства мужа превышали активы, в результате чего Хюльда была вынуждена продать их замечательный дом и практически в середине жизни начинать все с нуля. До этого она не имела привычки откладывать на черный день и всегда считала, что в их семье с деньгами все хорошо. Тем разительнее оказались перемены, которые ей пришлось пережить, и тем сложнее ей было привыкать к самоограничениям в финансовом плане. Квартиру, в которой Хюльда жила в настоящий момент, она приобрела, продав предыдущую, поменьше, и оформив индексированный ипотечный кредит прямо накануне банковского кризиса; теперь ей приходилось выплачивать немалые суммы в счет погашения долга.

Над Сюдюрнесом светило солнце, но было немного ветрено. У Хюльды ушло изрядное количество времени на то, чтобы обнаружить общежитие, поскольку она не очень хорошо ориентировалась в Ньярдвике.

Заранее о своем визите Хюльда не оповестила – откровенно говоря, ей это даже и в голову не пришло, так она спешила поскорее покинуть стены полицейского участка. После утренних новостей она физически ощущала царившую там гнетущую атмосферу. Ей казалось, что в коридорах полиции все судачат о том, что ей указали на дверь за ненадобностью и взяли на ее место молодого и перспективного сотрудника.

Ее, черт возьми, считали престарелой и немощной!

В общежитии навстречу Хюльде вышла женщина, которой на вид было не больше двадцати пяти лет. Хюльда сказала, что она из полиции, но причины своего визита сразу раскрывать не стала. Внешне молодая женщина сохраняла невозмутимость.

– Чем я могу вам помочь? Вы хотите пообщаться с кем-то из наших жильцов?

Как удалось выяснить Хюльде, общежитие использовалось исключительно в качестве места пребывания тех, кто просил убежища в Исландии.

– Нет, мне бы нужно переговорить с вашим заведующим.

– Разумеется. Я и есть заведующая. Меня зовут Доура.

Удивление, отразившееся на лице Хюльды при этих словах, было очевидно, и она даже слегка смутилась, коря себя за предрассудки.

– Вот как? – Хюльда никогда бы не подумала, что такая молодая женщина может быть заведующей. – Мы можем где-нибудь присесть и поговорить с глазу на глаз?

– Конечно. Мой кабинет в конце коридора, – без промедления ответила Доура и бодро зашагала вдоль стен.

Хюльде не оставалось ничего иного, как последовать за ней. Кабинет оказался маленьким и довольно холодным. Окна были занавешены темными шторами, а с потолка свисала единственная лампочка, безжалостно освещавшая скудную обстановку. Кабинет был практически пуст: там не оказалось

ни книг, ни газет – только письменный стол, на котором одиноко лежал ноутбук.

Доура молчала в ожидании того, что Хюльда прояснит цель своего визита. Они обе сели, и Хюльда заговорила, тщательно подбирая слова:

– Мне нужно расспросить вас... Я как раз расследую гибель женщины, проживавшей здесь у вас прошлой зимой.

– Гибель?

– Ее звали Елена. Она подавала прошение о статусе беженки.

– Ах да. Разумеется. Но... – Лицо Доуры приобрело озадаченное выражение. – Я думала, что дело закрыто. Он мне звонил – полицейский, я имею в виду. Не помню, как зовут.

– Александер, – подсказала ей Хюльда, мысленно представляя своего увальня-коллегу с вечно пустым взглядом, который так действовал ей на нервы.

– Да-да, Александер. Так вот, он мне позвонил и сказал, что закрывает дело, потому что расследование не дало никаких результатов, по его мнению, это был всего лишь несчастный случай. Или, может, самоубийство. Елена долго ждала ответа на свое прошение.

– Она ждала нетипично долго? Как я понимаю, она находилась здесь всего четыре месяца.

– Да нет, это обычная практика. Но ожидание, как я полагаю, сказывается на людях по-разному. Оно может быть очень изматывающим.

– А вы придерживаетесь того же мнения?

– Я?

– Вы думаете, что она утопилась?

– Я не специалист. Не знаю, что и думать. Я ведь не занималась расследованием дела. Возможно, он, этот...

– Александер.

– Да, Александер. Возможно, он обнаружил какие-то неизвестные мне факты, – пожала плечами Доура.

«Вот уж в этом я сильно сомневаюсь», – подумала Хюльда, но от соблазна произнести эти слова вслух удержалась.

– Но ведь у вас, должно быть, сформировалось какое-то мнение – вы же были с ней знакомы.

– И да и нет. Здесь много работы – кто-то приезжает, а кто-то уезжает. Так же случилось и с ней. А у меня просто нет времени думать о каждом конкретном человеке.

– То есть вы ею не интересовались?

– Не до такой степени... Не больше, чем остальными нашими жильцами. Это мой бизнес, вы же понимаете. Я зарабатываю этим на жизнь. Для тех, кто здесь проживает, речь зачастую идет о жизни и смерти, а я всего лишь заведую общежитием и стараюсь делать это насколько возможно хорошо.

– Есть ли здесь кто-то другой, кто знал Елену лучше?

Было видно, что Доура задумалась.

– Вряд ли. По крайней мере, сейчас. Как я и говорила, здесь никто надолго не задерживается.

– Значит, никого, кто проживал бы у вас в один период с Еленой, уже не осталось?

– Ну почему же? Вероятно, кто-то и остался...

– Это можно выяснить?

– Полагаю, что да.

Доура включила ноутбук и застучала пальцами по клавишам. Некоторое время спустя она наконец сказала:

– Двое мужчин из Ирака – они пока здесь. Вы можете с ними переговорить. И еще одна сирийка.

– Я могу переговорить и с ней?

– Не думаю.

– Почему?

– Ее сейчас нет. Утром они куда-то уехали с адвокатом. Наверное, в Рейкьявик. В ее деле что-то сдвинулось, слава богу. А так она сидит целый день взаперти у себя в комнате – даже поесть редко спускается. Подробности я не знаю – адвокат не будет же мне докладывать. Просто, глядя на них, я подумала, что забрезжила какая-то надежда. Хотя полной уверенности тут быть не может.

– А Елена? Как она себя вела? Как продвигалось ее дело?

– Понятия не имею.

– С ней работал адвокат?

– Полагаю, да, но сейчас я уже и не припомню, кто это был. Если я вообще это знала.

– Но предположить вы можете?

– Зачастую это одни и те же люди, – сказала Доура и про-

диктовала Хюльде три имени.

– Вы не могли бы показать мне комнату Елены? – спросила Хюльда.

– А почему вы вообще снова взялись за это дело? Его же закрыли.

– Не совсем.

– Что вы имеете в виду? Разве это не самоубийство?

– Расследование не завершено. Покажите мне комнату Елены, если вас это не затруднит.

– О'кей, – сказала Доура, настроение которой портилось на глазах. – Можно и повежливее. Кому хочется быть замешанным в таком деле?

– А вы в нем замешаны?

– Ну вы же понимаете, о чем я. Комната на втором этаже, но там сейчас другой жилец. Мы не можем просто так туда заявиться.

– Вы не могли бы проверить, там ли он сейчас.

С надменным выражением лица Доура вышла из кабинета и быстрым шагом направилась вдоль коридора к лестнице. Хюльда последовала за ней. Поднявшись на второй этаж, они остановились перед одной из дверей, и Доура постучала в нее. Им открыл молодой человек. Доура объяснила ему по-английски, что полиции нужно осмотреть комнату. Мужчина явно встревожился и спросил на ломаном английском:

– Меня хотят отправить домой?

Он повторил вопрос несколько раз, пока Доуре наконец

не удалось заверить его, что никто его домой отправлять не собирается и визит полиции не имеет к нему никакого отношения. Молодой человек чуть не прослезился от радости и облегчения. Потом он с долей сомнения позволил им войти, хотя Хюльда и понимала, что он совсем не обязан этого делать. Ей даже стало слегка неловко – мужчина находился в Исландии на птичьих правах и вряд ли посмел бы отказать представителю полиции, даже имея на это все основания. Но цель оправдывает средства – времени у Хюльды было не так уж и много.

– Она говорила по-английски? – спросила Хюльда, когда они наконец оказались в комнате.

Иностранец стоял в коридоре, в смущении наблюдая за ними.

– Что, простите? – Доура окинула комнату взглядом.

– Я имею в виду Елену.

– Нет, она ни слова не знала по-английски. Только по-русски разговаривала.

– Поэтому вы и недостаточно хорошо ее знали?

Улыбнувшись, Доура покачала головой:

– Нет, не поэтому. Я вообще здесь никого не знаю достаточно хорошо. Не важно, на каком языке люди говорят.

– Комнатка совсем маленькая.

– Ну, здесь ведь не пятизвездочный отель, – парировала Доура.

– Она тут одна жила?

– Да. Она была тише воды ниже травы, как мне помнится.

– Тише воды ниже травы?

– Ну да. Спокойная, понимаете? Не все такие – на некоторых это ожидание отражается нелучшим образом.

В комнате стояла кровать, стол и что-то похожее на шкаф. Там были и некоторые предметы личного пользования. На кровати лежали тренировочные брюки, а на столе – недо-еденный сэндвич.

– Телевизора нет? – спросила Хюльда.

– Я же говорила: это не пятизвездочный отель. У нас есть телевизор внизу, в общей комнате.

– Здесь не могло остаться каких-то ее личных вещей?

– Ой, этого уж я не вспомню. Вообще, если люди куда-то пропадают, я выбрасываю их вещи.

– Или если люди умирают.

– Ну да.

Осмотр комнаты никак не продвинул Хюльду в ее расследовании – по крайней мере, ей так показалось. Она еще раз обвела помещение глазами, силясь найти хоть какую-то зацепку, чтобы получить представление о том, как тут жилось несчастной девушке в последние месяцы до гибели. Каково ей было в этой холодной казенной комнате, в чужой стране, где никто не понимает ее языка? Хюльда на короткое мгновение закрыла глаза в попытке проникнуться этой атмосферой, но уловила лишь запах супа, который расплывался из кухни по всему зданию.

VII

Перед тем как уехать, Хюльда побеседовала с двумя иракцами. Один из них сносно говорил по-английски, так что диалог в основном велся с ним. Мужчины находились в Исландии уже больше года и были явно рады пообщаться с инспектором полиции, – вероятно, в их глазах Хюльда воплощала все органы власти. Прежде чем перейти к делу, ей пришлось выслушать поток критики и жалоб на судопроизводство и на то, как несправедливо обращаются с людьми в их положении. Выяснилось, что они помнят Елену, но в основном по причине того, что она так внезапно умерла. Они с ней никогда не разговаривали, поскольку не знали ни слова по-русски, так что вести беседы с Еленой просто не могли.

Хюльда поблагодарила Доуру и попросила сообщить, когда вернется сирийка. У Хюльды еще теплилась надежда на то, что от нее она сможет узнать хоть что-то стоящее.

– Я сообщу, – пообещала Доура, но Хюльда не питала иллюзий насчет того, что это станет приоритетом в списке ее дел.

Вернувшись в Рейкьявик, Хюльда стала выяснять, какой адвокат вел дело Елены. Ей потребовалось сделать пару телефонных звонков, чтобы узнать, что это был юрист среднего возраста, который до этого несколько лет работал в полиции, а потом уволился и открыл собственную адвокатскую конто-

ру. Он помнил Хюльду и с радостью согласился на встречу.

– Я вам вряд ли смогу помочь, – сказал он дружелюбно, – но вы все равно приходите. Знаете, где мы находимся?

– Я найду. Можно приехать прямо сейчас?

– Разумеется, – ответил ее собеседник.

Адвокатская контора располагалась в центре города, но ничего выдающегося собой не представляла – в приемной даже не было секретаря. Навстречу Хюльде вышел сам Алберт Албертссон и, словно прочитав ее мысли, сказал:

– Да, мы тут без изысков – не тратимся ни на что лишнее и беремся за любую работу. Рад вас видеть.

Алберт был любезен в общении и обладал приятным, мягким голосом, как у радиоведущего, который беседует со слушателями поздним вечером на фоне успокаивающей музыки. Красавцем Алберта назвать вряд ли было возможно, но черты его лица внушали доверие.

Алберт провел Хюльду в кабинет, который по всем статьям отличался от комнаты в общежитии, где она побывала ранее. На стенах здесь висели картины, а на полке возле стола были расставлены фотографии. Стопки бумаг занимали все возможные поверхности.

– Значит, вы теперь ведете это дело? – спросил Алберт, когда они уселись.

После недолгого колебания Хюльда ответила:

– В настоящий момент да.

– Обнаружилось что-то новое?

– Пока не могу сказать, – отозвалась Хюльда. – Вы общались с Александером, когда он возглавлял расследование?

– Да, конечно, я с ним встречался, но боюсь, что едва ли смог чем-то ему помочь.

– Вы с самого начала вели дело Елены?

– Да, я часто занимаюсь случаями, касающимися прав человека. Наряду с другой работой, естественно.

– Какие у нее были обстоятельства?

– Она искала убежища в Исландии – утверждала, что подвергается преследованиям в России.

– Ее прошение отклонили?

– Как раз наоборот.

– То есть?

– Его собирались одобрить, – сказал Алберт.

Этот ответ застал Хюльду врасплох.

– Даже так?

– Да, получение ею статуса беженки было не за горами.

– Да что вы? А она об этом знала?

– Ну разумеется. Ей сообщили об этом примерно за неделю до того, как она погибла.

– Вы рассказывали об этом Александеру?

– Конечно, хотя мне и не понятно, какое это может иметь отношение к делу.

Александер упомянуть об этой информации «забыл».

– Это уменьшает вероятность того, что она добровольно

лишила себя жизни.

– Необязательно. Длительное ожидание является серьезным испытанием для соискателей.

– Какое она на вас производила впечатление? В целом, я имею в виду. Она была жизнерадостной или, скорее, унылой?

– Сложно сказать. – Алберт склонился над столешницей. – Сложно, – повторил он. – Она ведь совсем не знала английского, а по-русски я не говорю.

– Вы пользовались услугами переводчика?

– Да, когда в этом была необходимость. Весь процесс сопряжен с большой бумажной волокитой.

– Мне, наверное, придется побеседовать с ним, – заметила Хюльда, обращаясь скорее к себе, чем к Алберту.

– Да, если хотите. Его зовут Бьяртур. Он живет в Сельтьяднарнесе⁶ и работает из дома. Адрес есть в документах. Я могу вам их дать, если нужно.

– Было бы прекрасно, благодарю вас.

– Эта девушка была очень музыкальной, – добавил Алберт внезапно.

– Музыкальной?

– Да, мне показалось, она любит музыку. У моего коллеги есть гитара в офисе, и Елена как-то раз взяла ее и сыграла нам парочку песен. – Он немного помолчал, а потом добавил: – Ужасно, что все так обернулось. Бедная девушка. Да и

⁶ Сельтьяднарнес – пригород Рейкьявика.

вообще всегда страшно, когда люди решаются на самоубийство...

– На самоубийство?

– Да. Разве не к такому выводу пришел Александер в ходе расследования?

– Ну да. Расследование проводилось вполне в духе Александера.

VIII

– А я думал, что дело уже закрыто, – сказал переводчик Бьяртур, усаживаясь на выдавший виды офисный стул. Этот предмет мебели казался таким древним, что можно было подумать, что Бьяртуру подарили его на конфирмацию лет этак двадцать пять назад. – Но если это не так, я буду рад подействовать.

– Александер беседовал с вами, когда вел дело? Вы ему чем-то смогли помочь?

– Александер? – На лице Бьяртура отразилось недоумение.

Его внешность как нельзя лучше соответствовала его имени – Бьяртур являлся обладателем роскошной белокурой шевелюры⁷. Они сидели в офисе, который был пристроен к старому и относительно небольшому частному дому. Вообще-то, изначально это был гараж, но Бьяртур переоборудовал его под офис. Когда Хюльда позвонила в дверь, ей навстречу вышла пожилая женщина, которая, указав на гараж, сообщила ей, что Бьяртур сейчас как раз работает в офисе. Второго стула там не было, поэтому Хюльде не оставалось ничего иного, как примоститься на краешке кровати, заваленной книгами, многие из которых были на русском языке. По крайней мере, так предположила Хюльда, бросив взгляд

⁷ С исландского имя Бьяртур переводится как «ясный», «светлый».

на буквы на корешках. В помещении царил беспорядок, – видимо, хозяин посчитал излишним проводить уборку, хотя Хюльда позвонила заранее, чтобы предупредить о своем визите. Груды бумаг, походные ботинки и коробки из-под пиццы были разбросаны на полу, а одежда свалена в кучу в одном из углов.

– Александер – мой коллега из полиции, – объяснила Хюльда, почувствовав неприятный привкус во рту, – тот, который руководил расследованием.

– Вот как? Я с ним никогда не встречался. Да меня до сегодняшнего дня никто и не расспрашивал об этом случае.

Хюльда вновь ощутила, как ее накрывает волна возмущения и негодования. Получи она свое заслуженное повышение и окажись Александер у нее в подчиненных, она бы уже давно попросила его на выход.

– А что вообще происходит? – спросил Бьяртур. – Выяснились какие-то новые обстоятельства?

На этот вопрос Хюльда ответила так же, как и адвокату немногим раньше:

– Пока не могу сказать ничего определенного.

Фактов на руках она не имела, но признаваться в этом было совсем не обязательно. Кроме того, в ходе сегодняшнего дня она все больше убеждалась, что приняла верное решение: какой бы ни оказалась причина смерти Елены, было ясно как божий день, что первоначальное расследование было проведено из рук вон плохо.

– Вы часто виделись?

– Не очень часто. Я, бывает, беру такую работу – она не занимает особо много времени, а деньги хорошие. Одними письменными переводами сыт не будешь.

– Удастся заработать на жизнь?

– Ну как вам сказать... Я перевожу довольно много для русских. Иногда работаю и с людьми, которые оказались в той же ситуации, что и она... как ее звали?..

– Елена, – подсказала Хюльда.

Даже Бьяртур не мог сразу вспомнить ее имени. Будто и не приезжала эта девушка в Исландию – никому не было до нее дела.

– Точно. Так вот, я иногда перевожу людям в такой же ситуации, что была у нее. Но в основном я работаю гидом с русскими туристами, показываю им достопримечательности по всей стране. На этом можно неплохо заработать – у многих из моих клиентов денег куры не клюют. А еще бывает, что и книгу какую-нибудь переведу, рассказы... Я и сам пишу...

– Как она вам показалась? Вы не замечали у нее суицидальных наклонностей? – прервала его Хюльда.

– Спросите что-нибудь полегче, – ответил Бьяртур, явно более заинтересованный в разговоре о своем литературном творчестве. – Трудно сказать. Возможно. Жизнь тут у нее была не сахар, как вы можете себе представить. А разве... Разве это не было самоубийством?

– Возможно, и нет, – сказала Хюльда с большей, чем того

требовали обстоятельства, убедительностью в голосе.

Ей почему-то показалось, что переводчик себе на уме, и ей нужно лишь проявить терпение и дать ему возможность выговориться – не стоит на него слишком давить.

– Вы учились в России? – спросила она, и эта неожиданная смена темы разговора, казалось, слегка выбила Бьяртура из равновесия.

– Да, верно, я учился в Москве. Я просто влюбился и в город, и в язык. Вы там бывали?

Хюльда отрицательно покачала головой.

– Прекрасный город. Обязательно как-нибудь съездите.

– Попробую, – сказала Хюльда, отлично понимая, что никогда этого не сделает.

– Прекрасный, но сложный, – продолжал Бьятур. – Сложный для туриста – все совершенно другое, повсюду кириллица.

– Но ведь у вас с языком проблем нет?

– Нет, конечно, но ведь я и занимаюсь им уже долгое время.

– А с Еленой вам общаться было легко?

– Ну разумеется.

– О чем вы говорили?

– Да особенно-то ни о чем. Я исполнял роль посредника между ней и адвокатом, – ответил он с некоторой нерешительностью в голосе.

– Адвокат говорил мне, что Елена увлекалась музыкой, –

сказала Хюльда в попытке не дать их беседе сойти на нет.

– Да-да, это верно. Она мне, кстати, об этом тоже рассказывала. Она сочиняет... сочиняла музыку. Найти достойного применения своему таланту в России она не смогла, но мечтала о том, чтобы стать профессиональным композитором здесь, в своей новой стране. Однажды в адвокатской конторе она исполнила нам песню, и отлично исполнила. Просто замечательно. Но это были несбыточные грезы – смешно полагать, что у нас можно прокормиться сочинением музыки.

– Так же как и переводами?

Бьяртур улыбнулся, но не ответил на вопрос Хюльды. Вместо этого после короткой паузы он сказал:

– Вообще-то, было и еще кое-что...

– Еще кое-что? – переспросила Хюльда с любопытством.

На лице Бьяртура отразилась происходящая у него в душе борьба – стоит ли ему продолжать или лучше закрыть эту тему?

– Но пускай это останется между нами.

– Что?

– Я не хочу оказаться замешанным, понимаете... Я не могу...

– Что произошло? – доброжелательно спросила Хюльда.

– Понимаете, она мне кое-что рассказала... Но это не для протокола.

На губах Хюльды появилась вежливая улыбка. Надо бы ему объяснить разницу между полицейским и журналистом

– ну да ладно. Вместо этого она просто молчала и ждала. Она, конечно, не собиралась ничего обещать Бьяртуру, но и отпугнуть его в этот ответственный момент ей не хотелось.

Ее тактика принесла свои плоды, потому что Бьяртур наконец вновь заговорил:

– Я думаю, она занималась проституцией.

– Что вы говорите? Как это вам пришло в голову?

– Она мне сама сказала.

– Этого не было ни в одном полицейском отчете, – с раздражением заметила Хюльда, но ее раздражение было направлено скорее на отсутствовавшего здесь Александра.

– Ну, она мне об этом рассказала, когда мы только познакомились, и настоятельно просила оставить это в тайне ото всех. Мне показалось, что она боится.

– Чего?

– Кого-то.

– Какого-то исландца?

– Не уверен. – Бьяртур осекся – казалось, он обдумывает свои слова. – Если уж говорить начистоту, я так понял, что именно с этой целью ее сюда и прислали.

– Вот как? – Хюльда была немало удивлена. – То есть вы хотите сказать, что прошение об убежище было лишь прикрытием?

– Видимо, можно и так сказать. Признаться, в том, что она говорила, было много неясностей. Но она совершенно очевидно не хотела, чтобы я хоть словом обмолвился об этом

кому-нибудь еще.

– Значит, ее адвокат об этом не знал?

– Думаю, нет. Я ему ничего не говорил. Я хранил ее тайну. – Потом он стыдливо добавил: – До сего дня, разумеется.

– Почему же вы не рассказали об этом раньше? – спросила Хюльда более резко, чем ей бы того хотелось.

После недолгого молчания Бьяртур со смущением ответил:

– Меня никто не спрашивал.

IX

В свете информации, полученной от Бьяртура, расследование Хюльды, если таковым его можно было назвать, приобретало совершенно иной оттенок. Дело оказалось горючей смесью, готовой взорваться в любой момент. Огрехи в работе Александера были вопиющими, а расследование гибели русской девушки требовало качественно нового подхода. Стоит ли Хюльде немедленно сообщить Магнусу о том, что ей удалось выяснить? Он ведь и понятия не имеет о том, за какое дело она взялась. Магнус наверняка пребывает в приподнятом настроении от того, как изящно ему удалось выставить Хюльду за дверь. Он, вероятно, полагает, что она сидит у себя в кабинете за просмотром старых полицейских отчетов и вслушивается в мерное тиканье часов в ожидании выхода на пенсию.

А между тем, после судьбоносного утреннего разговора с Магнусом, Хюльда провела практически весь день вне стен полицейского участка. Возвращаясь домой, она размышляла о том, как быстро пролетело время – во всей этой круговерти Хюльда и думать забыла о жалости к самой себе. Вероятно, этому занятию она сможет предаться перед сном. Хотя вряд ли – она собиралась пораньше лечь спать. Ей хотелось хорошенько отдохнуть, чтобы наутро проснуться со свежей головой и принять решение о том, каким будет ее следующий

шаг. Хватит ли у нее силы духа и энергии на то, чтобы с полной отдачей провести расследование дела Елены? Или будет лучше поднять белый флаг и спокойно дожидаться пенсии? Не пора ли и правда перестать бороться с ветряными мельницами и гоняться за призраками? Ведь ее карьера в полиции завершена, не так ли?

Как бы то ни было, ей предстояло довести до конца еще одно дело. С телефоном в руках Хюльда поудобнее устроилась в старом мамином кресле. Прежде чем набрать номер женщины, которую она расспрашивала днем ранее, Хюльда с минуту поразмышляла. Перед ее внутренним взором вновь предстал образ достойной сожаления санитарки из центра сестринского ухода. Она сбила на своей машине гнусного педофила, а теперь, терзаемая страхом и угрызениями совести, наверняка готовится провести ближайшие несколько лет за решеткой, вдали от своего сына. Она ведь во всем созналась. Хюльда не написала формального отчета об их беседе и к тому же солгала Магнусу, заявив, что расследование далеко от завершения. Прежде чем звонить, Хюльде предстояло ответить на вопрос, который перед ней поставила ее собственная совесть: следует ли ей и дальше придерживаться сказанной Магнусу неправды и тем самым попытаться уберечь мать с сыном от дальнейших страданий или написать в отчете все как есть и с большой долей вероятности обречь бедную женщину на тюремный срок за ее поступок?

Разве могут быть сомнения? Хюльда прекрасно понимала,

каким будет ее выбор.

У женщины были зарегистрированный на ее имя мобильный и домашний телефон. По мобильному номеру никто не ответил, а вот трубку домашнего телефона после нескольких гудков сняли. Хюльда представилась:

– Я из полиции. Мы вчера с вами беседовали.

– Да... я помню. – Женщина тяжело вздохнула. Было очевидно, что слова даются ей с трудом.

– Я тут снова просматривала материалы дела, – солгала Хюльда, а потом, тщательно подбирая слова, продолжила: – Мне кажется, что достаточно весомых вещественных доказательств у нас нет.

– Как... простите... как вы сказали? – спросила женщина сдавленным от всхлипов голосом.

– Я не планирую предпринимать еще каких-либо действий, по крайней мере в плане того, что касается вас.

После небольшой паузы женщина на другом конце провода ответила:

– А как же... как же насчет того, что я вам рассказала?

– Не вижу смысла доводить это дело до суда и подвергать вас дальнейшим мытарствам.

Снова повисла тишина.

– То есть... то есть вы меня не арестуете? Я... прямо... вся извелась после нашего разговора. Думала, меня отправят...

– Да, я не буду вас арестовывать. Кроме того, я выхожу на пенсию, так что дело, скорее всего, на этом и закончится.

Ну вот, она впервые произнесла это слово вслух. Пенсия... До чего же странно оно звучит. В очередной раз Хюльда поразилась тому, насколько она не готова к этой вехе своей жизни, будь она хоть тысячу раз предсказуема и ожидаема.

– А... а что скажут ваши коллеги в полиции?

– Я не буду упоминать о вашем признании в отчете. Не волнуйтесь. Я, конечно, не могу предугадать, как пойдет дело дальше, но в нашем разговоре вы не делали никаких признаний. Так ведь?

– Ну да-да, конечно... спасибо.

Неожиданно для себя Хюльда добавила:

– Однако поймите меня правильно: вашей вины это не умаляет, хоть я и могу понять, что толкнуло вас на этот поступок. Вам придется с этим жить до конца ваших дней, но было бы еще хуже отправить вас в тюрьму и лишить общения с сыном.

– Спасибо, – повторила женщина, уже не сдерживая рыданий.

Потом она еще раз сквозь слезы поблагодарила Хюльду, и та повесила трубку.

Нередко Хюльда забывала поесть, когда была измотана работой. Однако на этот раз она решила не ложиться спать на голодный желудок. Ее ужин состоял из тостов с сыром, впрочем как и днем раньше. После того как скончался Йоун, она практически перестала готовить. Поначалу она еще как-

то заставляла себя что-то делать, но со временем, по мере того как она привыкала жить одна, ее питание стало сводиться к приготовленным на скорую руку бутербродам по вечерам, а горячее она ела только в обеденный перерыв на работе.

За ужином Хюльда, по своему обыкновению, слушала последние известия по радио. Ее трапезу прервал телефонный звонок.

Она сразу же поняла, кто звонит, – номер был сохранен у нее в контактах. Она подумала было не отвечать, но по привычке и из чувства долга все-таки сняла трубку. Не представляясь, Александер сразу же перешел к делу – вежливость не относилась к его достоинствам, так что Хюльда не удивилась.

– Что вы, черт возьми, удумали? – прокричал он.

Хюльда представила себе его перекошенное от злости лицо с двойным подбородком и нависающими веками, превращавшими глаза в две узкие щелочки.

Стараясь не терять невозмутимости, Хюльда спросила:

– А в чем дело?

– Вам прекрасно известно, в чем дело! Эта русская, что утопилась в бухте, черт бы ее побрал!

– Вы не помните, как ее зовут?

Вопрос, видимо, застал его врасплох, потому что он даже на несколько мгновений замолчал, что было для него нетипично. Потом заговорил снова:

– А какая разница? То, что я хочу, так это...

– Ее звали Елена, – перебила Хюльда.

– Мне все равно! – Александер снова повысил голос. Он был явно не в себе от злости. – Зачем вы влезли в это дело, Хюльда? Разве вы еще не на пенсии?

Значит, все-таки слухи поползли.

– Нет, я не на пенсии, – сказала она, воздержавшись от подробных объяснений.

– Да? А я думал... – Было заметно, что он смущен. – В любом случае почему вы занимаетесь моим делом?

– Меня Магнус попросил. – Доля правды в этом была.

– Что же, он не доверяет мне? Я ведь провел расследование.

– Да, но блестящих результатов не достигли, – сказала Хюльда, не теряя спокойствия.

– Там не было ничего подозрительного. Эту девицу собирались выслать из страны, вот она и бросилась в море! – Александер чуть ли не визжал.

– Как раз наоборот – ее прошение вот-вот должны были одобрить.

В трубке повисла тишина. Потом послышался запинаящийся от волнения голос Александера:

– Что? Вы вообще о чем?

– Дело далеко не закрыто, проще говоря. Вы, признаться, отвлекаете меня от ужина. Так что если у вас все...

– Отвлекаю от ужина? Да какой там ужин! Бутерброд в компании телевизора! Мы еще с вами поговорим, – пригрозил Александер и бросил трубку.

Это был удар ниже пояса. Хюльда всегда была одиночкой среди мужчин, большей частью женатых, а то и не первым браком, с большими семьями. Она уже не впервые слышала что-то подобное – все эти безвкусные шуточки на ее счет и даже неприкрытая агрессия. Хюльда и сама могла быть довольно резка с людьми. Дело в том, что за годы службы в полиции ей пришлось нарастить крепкую броню, чтобы выжить в мужском коллективе, и оказалось, что это почему-то давало ее коллегам право не стесняться в выражениях.

Хюльде, конечно, стоило выбросить из головы гадкое высказывание Александера по поводу ее бутерброда на ужин в компании телевизора, но оно не на шутку ее задело, поэтому неожиданно для себя она решила позвонить Пьетюру из клуба любителей активного отдыха. Она всегда считала его просто другом, а совсем не ухажером, хотя посторонние наверняка и воспринимали его таковым. Хюльде же казалось, что их отношения слишком платонические, чтобы это слово было применимо к Пьетюру. Когда они познакомились, Хюльда подумала, что, будь она лет на двадцать-тридцать помоложе, ей было бы гораздо проще перейти от невинных поцелуев в щечку к чему-то более серьезному.

И все же, когда Хюльда звонила ему, она порой смущалась, как школьница. Но, вероятно, это и было признаком того, что их отношения развиваются в правильном направлении и, возможно, со временем и выльются в нечто большее.

Пьетюр, как обычно, ответил после первого же гудка. Его

голос был бодр, а тон наполнен чуткостью.

– Я подумала, – начала Хюльда смущенно, – может, ты зайдешь ко мне на кофе сегодня вечером?

В ту же минуту ее постигло сомнение – поймет ли ее Пьетюр правильно? Ни с того ни с сего – кофе, да еще в такой час. Она уже собиралась было добавить, что не предлагает ему остаться на ночь, но прикусила язык в надежде, что он и так не станет искать в ее приглашении потаенных смыслов.

– Ну конечно, – сразу ответил Пьетюр без тени сомнения.

Хюльде импонировала его способность моментально принимать решения, не заикливаясь на деталях и не делая из мухи слона. И все же сегодня их отношения выходили на некий новый виток – ведь никогда раньше Хюльда не приглашала Пьетюра к себе в гости. А вдруг ей станет стыдно за свою квартирку? Ведь ее не сравнить с домом с большими окнами и садом, в котором Хюльда жила на Аульфтанесе. Ну да, возможно. Но дело даже не в этом. Она возвела вокруг себя защитную стену, за которую пока не хотела пускать Пьетюра. Но сегодня ей вдруг стало невыносимо находиться одной, и она дала слабину.

– Мне прийти прямо сейчас? – спросил Пьетюр.

– Да, приходи. Сможешь?

В общении с ним Хюльда становилась на удивление неуверенной в себе, хотя в иных обстоятельствах решимости ей было не занимать.

– Смогу. Где ты живешь?

Хюльда скороговоркой продиктовала свой адрес и добавила:

– Пятый этаж. Мое имя на звонке.

– Лечу, – сказал Пьетюр и повесил трубку, не прощаясь.

– А я уж думал, ты меня к себе так никогда и не пригласишь, – с порога сказал Пьетюр.

Почти семидесятилетний, он был постарше Хюльды, но для своего возраста выглядел хорошо – не сильно моложе своих лет, но и не старше. Седая борода, по мнению Хюльды, делала его слегка похожим на Деда Мороза, и при виде Пьетюра она каждый раз представляла себе, как мог бы выглядеть Йоун в семьдесят лет.

Не успела Хюльда оглянуться, как Пьетюр уже вошел в гостиную и уселся в ее любимое кресло. Она даже почувствовала легкий укол ревности – ведь это ее место! Однако Хюльда смолчала и предложила своему гостю кофе.

– Будь добра, без молока.

Пьетюр был врачом. Не вдаваясь в подробности, он рассказывал Хюльде, что вышел на пенсию относительно рано – когда ему было шестьдесят. В тот период его жена заболела, но они прожили вместе еще несколько счастливых лет. Дальнейших вопросов Хюльда ему не задавала – не хотела, чтобы он заново переживал горечь утраты. А сама она ограничилась тем, что рассказала Пьетюру о том, что ее Йоун скоропостижно скончался, когда ему было слегка за пятьде-

сят, и надеялась, что и Пьетюр не станет беречь ее раны излишними расспросами.

– Йоун мог бы еще жить и жить, – только и добавила она.

Пьетюр был вежлив в общении, но обладал решительным характером, что, как предполагала Хюльда, делало из него отличного врача. По крайней мере, он производил впечатление успешного человека. Пьетюр как-то пригласил Хюльду к себе в гости в Фоссвогюр⁸. Он жил в просторном доме с высокими потолками, где в гостиной стояла изысканная мебель, а стены были украшены картинами. Названия на корешках книг на полках красноречиво говорили о разнообразных интересах хозяина, а рояль посреди комнаты – о его равнодушии к музыке. Сказать правду, Хюльда вполне могла представить себя живущей в этом огромном доме, где все дышит уютом и просвещенностью. Она могла бы продать свою квартирку, расплатиться с долгами и наслаждаться заслуженным отдыхом в Фоссвогюре. Почему бы и нет?

– Ну и денек у меня сегодня выдался, – как бы невзначай заметила Хюльда, выходя на кухню за кофе, который уже успела сварить.

Вернувшись в гостиную, она протянула чашку Пьетюру. Тот улыбнулся, не произнося ни слова и явно ожидая продолжения рассказа. Хюльда вновь отметила для себя его выдержку и умение слушать – Пьетюр был хирургом, но из него, как казалось Хюльде, получился бы и отличный психо-

⁸ *Фоссвогюр* – престижный район в Рейкьявике.

аналитик.

– Я ухожу с работы, – промолвила она наконец, когда пауза затянулась.

– Ну да, рано или поздно это должно было случиться. Теперь ты наконец-то сможешь получать удовольствие от жизни. Так что все не так и плохо.

Вот уж кто получал удовольствие от жизни, так это Пьетюр. В этом Хюльда не сомневалась и даже немного завидовала ему. Врач с успешной карьерой за плечами явно смог накопить на безбедную старость.

– Да, это было ожидаемо, – согласилась она вполголоса, – но не так сразу. – Лучше рассказать ему все как есть, без прикрас. – Мне придется уйти прямо сейчас – вернее, через две недели. На мое место берут какого-то молодого парня.

– Вот это да. И ты даже не возражала? Не могу себе этого представить.

– Ну... – начала Хюльда, мысленно ругая себя за то, что не проявила большей твердости, когда Магнус сообщил ей о своем решении. – Мне все же позволили заняться одним делом – под занавес, так сказать.

– Вот как? Что-то интересное?

– Убийство... я полагаю.

– Да что ты! Две недели на то, чтобы раскрыть дело об убийстве? Не боишься, что тебе это не удастся и потом будешь мучиться, когда выйдешь на пенсию?

Вот об этом-то Хюльда не подумала, но в словах Пьетюра

был резон.

– Бросать расследование теперь уже поздно, – сказала она без особой убежденности. – Да и ручаться, что речь идет об убийстве, я не могу.

– Что это за дело? – спросил Пьетюр, и, как всегда, в его голосе прозвучала искренняя заинтересованность.

– В бухте на Ватнслейсюстрёнде обнаружили труп молодой женщины, – сказала Хюльда.

– Недавно?

– Чуть больше года назад.

Пьетюр нахмурился:

– Что-то не припомню.

– Особой шумихи не было. Женщина пыталась получить статус беженки.

– Статус беженки? Нет, это прошло мимо меня.

«И не только мимо тебя», – подумала Хюльда.

– Как она погибла? – спросил Пьетюр.

– Утонула, но были и телесные повреждения. Тот, кто расследовал дело, – не лучший из наших коллег – пришел к выводу, что она наложила на себя руки. А я в этом не уверена.

Не без гордости Хюльда рассказала Пьетюру о том, что ей удалось выяснить за день, но его реакция разочаровала ее.

– Ты уверена, что не раздуваешь из мухи слона?.. – спросил Пьетюр с долей смущения.

Такой откровенности Хюльда не ожидала, но сумела оценить ее:

– Нет, не уверена. Но и отступать я не хочу.

– Ну и прекрасно, – приободрил ее Пьетюр.

За кофе последовало красное вино. Вечер затянулся – Хюльда даже не ожидала, что Пьетюр проведет у нее столько времени, но была совсем не против. Несмотря на поздний час, за окном было обманчиво светло: дождевые облака наконец рассеялись, уступив место вечернему солнцу.

Хюльда, вообще-то, не планировала угощать своего гостя вином. Однако, допив кофе, Пьетюр спросил, не нальет ли она ему немного коньяка. Такового у Хюльды не оказалось, а вот парочка бутылок красного вина у нее где-то стояла.

– Отлично, это полезно для сердца, – сказал Пьетюр, и Хюльда не поставила слова врача под сомнение.

– Мне показалось странным, – проговорил Пьетюр, растягивая слова, – что у тебя нигде не висят семейные фотографии.

Хюльда совсем не ожидала подобного замечания, но и бровью не повела.

– Я никогда особенно не любила выставлять фотографии напоказ, – сказала она.

– Понимаю. Это у меня везде снимки моей покойной жены. Может, поэтому мне и потребовалось столько времени, чтобы свыкнуться с ее уходом. Я, наверно, просто застрял в прошлом. – Он вздохнул. Они с Хюльдой между тем уже откупорили вторую бутылку. – А твои родители? Братья или

сестры? Их фотографий у тебя тоже нет?

— У меня нет братьев и сестер, — ответила Хюльда и немного помолчала, прежде чем продолжить. Пьетюр потягивал вино и не торопил ее. — Мы с мамой никогда не были особенно близки, — сказала Хюльда, словно оправдываясь за отсутствие в гостиной изображений своей матери, хотя и понимала, что совсем не обязана давать каких-либо объяснений.

— Она давно умерла?

— Пятнадцать лет назад. Не очень долгую жизнь прожила — ей было всего семьдесят, — сказала Хюльда и подумала о том, что день, когда и ей стукнет семьдесят, совсем не за горами. Всего каких-то пять лет. А кажется, еще так недавно ей исполнилось шестьдесят.

— Значит, тебя она родила еще довольно молодой, — быстро подсчитал в уме Пьетюр.

— Ей было двадцать... Хотя в те времена этот возраст уже вряд ли воспринимался как очень юный.

— А твой отец?

— Я его никогда не видела.

— Да что ты говоришь? Он умер до твоего рождения?

— Нет. Просто я с ним не была знакома — он иностранец. — Мыслями Хюльда унеслась в прошлое. — Я даже однажды ездила за границу в надежде отыскать его. Но это уже другая история...

Хюльда улыбнулась. Ей не очень нравились все эти вопросы, но она все-таки терпимо отнеслась к его интересу.

Наверняка Пьетюр ожидал, что и она станет спрашивать о его семье и его прошлом, чтобы между ними установились более доверительные отношения. Однако пока Хюльде было достаточно и того, что она уже знала: Пьетюр потерял жену и теперь живет один в большом, даже слишком большом, доме. Но в первую очередь ей было важно, что он добрый и мягкий человек, честный и надежный.

– Ну да, – прервал молчание Пьетюр – он уже был слегка навеселе, – такие вот мы с тобой одинокие души. Кто-то принимает это решение позже, а кто-то раньше... Жить в одиночестве, я имею в виду. Но в нашем случае, думаю, в дело вмешалась судьба. – Он сделал небольшую паузу. – Мы вот с женой вполне осознанно решили не спешить с детьми. А потом уже было поздно. В последние годы мы часто обсуждали, не совершили ли мы ошибку. Не знаю, какие причины были у вас – я о бездетности, – да и не моего ума это дело, но полагаю, что каждый сам хозяин своей судьбы. А тебе как кажется?

Хюльда лишь покивала и взглянула на часы. Когда она перевела взор на бутылку с остатками вина, Пьетюр уловил намек – ему пора.

X

Что бы ни происходило, она аккуратно соблюдала график посещений – дважды в неделю, час в час она приходила увидеть свою дочь. Ее не могли остановить ни снежные заносы, ни штормовые ветра, ни болезни – заразить свою крошку она не могла благодаря разделявшей их стеклянной перегородке. Дважды у нее возникали проблемы на работе по причине этих посещений – работодатели не желали мириться с ее отсутствием, и на второй раз она подала заявление об увольнении. Дочь была ее основным приоритетом.

Девочке вот-вот должно было исполниться два года, и ее цветущий вид не внушал опасений – физически она была здоровой и даже крупноватой для своего возраста. А вот что беспокоило мать, так это отстраненность во взгляде ребенка.

В глубине души она признавала, что прошло слишком много времени, и пользы от этих визитов нет, потому что за два года невидимая нить, связующая мать и дочь, надорвалась. Возможно, это случилось много раньше – в тот самый день, когда ей волей-неволей пришлось передать ребенка в чужие руки. Ее родители считали, что это к лучшему, – они стыдились того, что она родила девочку, не будучи замужем, поэтому поставили ее перед жестким выбором: либо она передает ребенка на удочерение – для нее это было абсолютно неприемлемо, либо «для начала» отправляет девочку в дом

малютки.

Она жила в доме родителей, когда дочка появилась на свет, и средств для того, чтобы перебраться с новорожденной в другое жилье, у нее не было. Так что выбирать не приходилось — поскольку она и помыслить не могла о том, что у ее малышки появятся новые родители, решение было принято в пользу меньшего из двух зол.

Получив обязательное школьное образование, учиться дальше она не пошла. А теперь ей казалось, что время упущено. Родители никогда не способствовали тому, чтобы она приобрела какую-либо дополнительную квалификацию, все надежды в этом плане возлагались на ее младшего брата, который учился в колледже.

Она работала уже два года, откладывая деньги, и, хотя пока все еще жила у родителей, неминуемо близился тот день, когда она сможет наконец переехать в отдельную квартиру и вернуть дочь, осуществив свою самую заветную мечту.

Отношения с родителями становились все более напряженными. Поначалу, когда она неожиданно забеременела, у нее не было сил противостоять их давлению, и ей не оставалось ничего другого, как подчиняться их решениям. Она опасалась, что никогда не сможет простить им разлуки с дочерью. О чем она вообще думала, когда пошла у них на поводу?

Оставалось уповать только на то, что дочка простит ее саму.

XI

Чмокнув Пьетюра в щеку на прощание и заперев за ним дверь, Хюльда вернулась в гостиную и села в свое любимое кресло. Мысли роились в голове, и она знала, что, даже если уляжется в постель прямо сейчас, темнота их не разгонит и в покое они ее не оставят – слишком уж их было много, и одна тревожнее другой.

Погибшая русская девушка занимала ее ум больше всего остального, хотя Хюльда и пыталась на время забыть о ней, пока они с Пьетюром пили вино. Кстати, о вине – в бутылке его оставалось еще немного. Не пропадать же добру. Хюльда потянулась за бутылкой и вылила остатки вина в свой бокал.

Итак, Елена... И как только Хюльда подумала о ней, она вновь вспомнила об обстоятельствах, при которых материалы дела о гибели девушки оказались на ее столе. Вообще-то, Хюльде сегодня указали на дверь. Ее отправили в утиль, как какой-то ненужный хлам.

Потом она подумала о Пьетюре. Размышления о нем тоже были не из легких. Не слишком ли большие надежды она возлагала на их совместные перспективы? Они с Пьетюром прекрасно провели вечер, но теперь стоял вопрос о том, каким будет следующий шаг. Проще всего было бы, конечно, повременить или даже дать задний ход. Но тогда есть риск, что эта дверь захлопнется окончательно и бесповоротно, и

Пьетюр будет для нее потерян. А сколько еще шансов подарит ей судьба?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.